

Literatur

- Абрамов Б.А. Теоретическая грамматика немецкого языка. М.: Владос, 2001.
- Абрамов, Б.А. Теоретическая грамматика немецкого языка: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Издательство «Юрайт», 2015. 286 с.
- Базылев В.Н. Немецкий язык. Теоретическая грамматика. Лекция 1. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=h0510sA510A>
- Бутусова А.С. Теоретическая грамматика немецкого языка. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2019. 170 с.
- Орлова Е.Л., Дармаева С.Н. Теоретическая грамматика немецкого языка. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет, 2018. 93 с.
- Admoni W.G. Der deutsche Sprachbau. Изд. 4-е, дораб. М.: Просвещение, 1986.
- Anissimova E.E. Theoretische Grammatik der deutschen Sprache (Vorlesungen). М.: Теза-урпус, 2011. 280 с.
- Bußmann H. Lexikon der Sprachwissenschaft. Stuttgart: Kröner, 1990.
- Glück, Helmut (Hrsg.) Metzler Lexikon Sprache. Stuttgart: Metzler, 2000.
- Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. / Hrsg. von der Dudenredaktion. Bearbeitet von P. Eisenberg, H. Gelhaus, H. Henne, H. Sita u. H. Wellmann. / 6., neu bearb. Aufl. Mannheim. Leipzig. Wien. Zürich: Dudenverlag, 1998.
- Eisenberg P. Grundriss der deutschen Grammatik. Stuttgart: Metzler, 1986.
- Engel U. Deutsche Grammatik. 3., korrigierte Auflage. Heidelberg: Julius Groos, 1996.
- Flämig W. Grammatik des Deutschen: Einführung in die Struktur- und Wirkungszusammenhänge. Berlin: Akademie-Verlag, 1991.
- Luscher, Renate Die Grammatik: Unentbehrlich für richtiges Deutsch (Duden – Deutsche Sprache in 12 Bänden. Bd. 4). Berlin: Bibliographisches Institut, 2016.
- Moskalskaja O.I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. М.: Академия, 2004.
- Müller Sonja Die Syntax-Pragmatik-Schnittstelle: Ein Studienbuch. Tübingen: Narr Francke Attempto, 2019.
- Römer Ch., Matzke B. Der deutsche Wortschatz: Struktur, Regeln und Merkmale. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag, 2010.
- Schendels E.I. Deutsche Grammatik. М.: Высшая школа, 1988.
- Schneider H.J. Pragmatik als Basis von Semantik und Syntax. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1975.
- Zifonun G., Hoffmann L., Strecker B. Grammatik der deutschen Sprache. Berlin et al.: De Gruyter, 1997.

Рецензия на книгу:
SCHEWKUNOW, BISCHOF TICHON.
HEILIGE DES ALLTAGS. AUS DEM RUSSISCHEN
ÜBERSETZT VON A. REPKA UND BEARB.
VON M.BITYUTSKIKH. – Sankt Ottilien: EOS. 2017. – 559 S.

С.И. Горбачевская

Московский государственный университет, Москва

Вот уже 8 лет книга митрополита Русской православной церкви Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые и другие рассказы» (2011) является бестселлером не только в России, но и находит широкий отклик читателей за рубежом, поскольку начиная с 2012 г. активно переводится. Перевод на немецкий язык, выполненный Ангелой Репка и отредактированный Маргаритой Битюцких, был опубликован в 2017 г. под заголовком «Heilige des Alltags». К тому времени эта книга выдержала в России 14 изданий, а её тираж составил тогда 2 500 000 экземпляров. В немецкоязычных странах уже в 2018 г. было распродано больше миллиона книг. В официальной российской печати и в Интернете за это время накопилось огромное количество отзывов, за редчайшими исключениями, восторженно-положительных, с благодарностью за поддержку, утешение и помощь в трудные минуты. С таким же восторгом воспринимают эту книгу и за рубежом, называя ее «классикой новейшей духовной литературы (Klassiker der neueren spirituellen Literatur)»¹.

В оригинале название всего сборника совпадает с заголовком последнего рассказа, посвященного погибшему другу автора монаху Рафаилу. У А. Репка он переведен дословно „Unheilige Heilige“, а название всей книге дано другое – „Heilige des Alltags.“ Было бы, вероятно, лучше так же, как в оригинале, оставить этот повтор и в немецком переводе, поскольку это очень важно для ее автора. Несвятыми святыми он называет героев своих рассказов – простых людей, ищущих Бога: «Но вот, в конце Божественной литургии, когда великое Таинство уже свершилось и Святые Дары стоят в алтаре на престоле, священник возглашает: «Святая – святым!» Это означает, что Телом и Кровью Христовыми будут сейчас причащаться святые люди. Кто они? Это те, кто находится сейчас в храме, священники и миряне, с верой пришедшие сюда и ждущие причащения. Потому что они – верные и стремящи-

¹ <http://www.kath.net/news/59772> (06.06.2017).

еся к Богу христиане. Оказывается, несмотря на все свои немощи и грехи, люди, составляющие земную Церковь, для Бога – святые» (5, 635).

«Святая святым!» звучит по-немецки как «Das Heilige den Heiligen!». Слово «unheilig» есть и в толковом словаре Duden, и в трехтомном Новом большом немецко-русском словаре под ред. Д. О. Добровольского, и в других толковых и немецко-русских двуязычных словарях. Может быть, сыграла свою роль помета «архаизм» в немецкой лексикографии. Как бы то ни было, перевод книги в целом оказался почти безукоризненно адекватным оригиналу по репрезентации всех уровней текста и по динамичности изложения событий каждого рассказа. Встретилось только несколько лексических погрешностей. Например, кабачки (Zucchini) А. Репка перевела как тыкву (Kürbis), шайку в бане (Waschschüssel) как ведро (Eimer) и т.п.

По ходу чтения немецкого текста создается впечатление, что переводчица очень хорошо знает советский быт и российские реалии, особенности русского православия и других духовно-идеологических направлений нашей эпохи и, наверное, бывала в России. Из интернет-источников известно, что Ангела Репка (1948 г. рожд.) – дочь эмигранта из Братиславы, изучала германистику, живет в Германии и переводит, в основном, со словацкого языка. В ее переводе с русского чувствуется очень бережное отношение к каждому понятию и явлению, незнакомому немецкоязычному читателю. Тщательный филологический подход к переводу, то есть подбор в языке перевода подобных оригиналу лексических единиц, синтаксических структур, элементов стилистического и прагматического уровней происходит не в ущерб языку и культуре перевода, а гармонично сочетается у переводчицы с использованием не актуальной лексики, а синонимов, которые создают атмосферу культуры оригинала. Например, слово *метро* везде переводится как *die Metro*, а не *die U-Bahn*, более привычное немецкоязычному читателю. Названия русских монастырей и церквей она не просто транскрибирует, как это принято сейчас, а переводит методом калькирования, раскрывая смысл этих названий, например, церковь Успения Пресвятой Богородицы переведена дословно как *die Kirche Entschlafung-der Allerheiligen-Gottesgebärerin*. Приведем для наглядности пример целого контекста:

Троице-Сергиева лавра, Оптина пустынь, Киево-Печерская лавра, Соловки, Валаам, Саров были славны не только в России, но и во всем христианском мире. А Печоры Псковские многие столетия так и оставались не более чем провинциальной монашеской обителью (1, 126).

Die Dreifaltigkeit-Sergiew-Lawra, das Optina-Kloster, das Kiewer Höhlenkloster, Solowki, Walaam und Sarow waren nicht nur in Russland berühmt, son-

dern in der ganzen christlichen Welt. Doch das Höhlenkloster von Pskow hatte man viele Jahrhunderte lang lediglich für ein Mönchkloster in der Provinz gehalten (2, 108)

Понятия и титулы, которых нет в немецком католичестве и протестантизме, А. Репка передает транслитерированием с комментарием переводчика, например:

Благочинный – *der Blagotschinnyj** – *für die Ordnung im Kloster verantwortlicher Mönch*.

Принятое обращение к католическому священнику «Pater» сейчас легко и часто переносится в немецком языке и на православных священников, но А. Репка везде использует титул «Vater», как бы подчеркивая тем самым разницу между ними. Греческие имена она передает не по-гречески или еврейские имена, написанные латиницей, но звучащие по-еврейски, как это привычно в немецкоязычной среде, а так, как они звучат на русском языке: Vater Palladij (греч. Palladios), Vater Nafanail (Nathanael). Но для имен общехристианских святых переводчица берет их общеупотребительные греческие эквиваленты, а не русские кальки: Иоанн Лествичник – Johannes Klimakos, Иоанн Златоуст – Johannes Chrysostomus, но: Феофан Затворник Feofan der Einsiedler.

Для некоторых понятий А. Репка нашла приблизительные синонимы, например, послушание – «Dienst» или «Pflicht», как мы видим из следующих примеров:

– *Мне объяснили, что утром и вечером все ходят на службы, а днем – на послушания. Какие послушания – скажут. Может, колоть дрова, может, помогать на кухне или на продовольственном складе, и может, мести дорожки* (1, 26).

Man erklärte mir, dass morgens und abends alle zu den Gottesdiensten gingen und dass tagsüber jeder seinen eigenen Dienst hatte. Man würde mir sagen, welchen Dienst ich bekommen würde. Vielleicht Holz hacken, vielleicht in der Kirsche oder im Vorratslager helfen, vielleicht auch Wege kehren (2, 25).

– *Я тогда еще не знал, что у каждого монаха – не одно, а множество послушаний* (1, 30)

Damals wusste ich noch nicht, dass jeder Mönch nicht nur eine, sondern zahlreiche Pflichten hat (2, 29).

Понятие «трудники» А. Репка передает словом «die Hilfskräfte». Трудниками в Псково-Печерском монастыре распоряжался «бригадир», так по-советски звали отца Максима. Для перевода этого понятия А. Репка взяла абсолютно забытое в Германии сейчас слово «Brigadier», популярное в ГДР,

прямую кальку с русского языка, но оставила, к сожалению, без необходимого комментария. Дело в том, что в ГДР это слово произносилось как писалось (-dier), а в современном немецком произносится по-французски (-dje) и понимается только как устаревшее воинское звание.

Понятие «старцы» А. Репка транскрибирует, а из контекста становится ясно, кто это:

В древности таких людей называли пророками. У нас в Православной церкви их именуют старцами (1, 40).

In längst vergangenen Zeiten wurden solche Leute Propheten genannt. Bei uns in der orthodoxen Kirche heißen sie Starzen (2, 36).

Также в виде транскрипции переводчица вводит понятие «тройка», но это слово не объясняется потом в контексте книги и тогда требует соответствующего комментария, поскольку оно связано с реалиями сталинской эпохи.

Главный принцип коммунизма – «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Но «способностям», «потребностям» – это ведь, как всегда, какая-то комиссия будет определять. А какая комиссия?... Скорее всего – «тройка»... (1, 94)

Das Hauptprinzip des Kommunismus lautet: „Jeder nach seinen Fähigkeiten und jedem nach seinen Bedürfnissen“. Doch die ‘Fähigkeiten’ und ‘Bedürfnisse’ werden ja wie immer von irgendeiner Kommission bestimmt. Doch was für einer Kommission? Am ehesten wohl eine ‘Troika’... (2, 81) В переводе им.п.

Не многие поймут это слово даже на русском языке. Первая дефиниция, которая появляется, когда набираешь это слово в Интернете: «тройка» – это пополняемая транспортная карта, используемая для оплаты проезда в общественном транспорте Москвы. Только если задать в поисковике понятие «Сталинская тройка», то можно найти определение: Особая тройка при управлении НКВД – внесудебный орган уголовного преследования, действовавший в СССР в 1935–1938 годах на уровне края или области. Тройка состояла из начальника областного управления НКВД, секретаря обкома и прокурора области. Решения выносились тройкой заочно.

Хотелось бы отметить еще один интересный момент. Довольно сложно сразу определить жанр данного художественного произведения. С одной стороны, это, как заявляет автор, сборник рассказов. Но, с другой стороны, не только каждый отдельный рассказ, но вся книга в целом представляет собой жизнеутверждающую христианскую проповедь. В связи с этим было интересно проследить, как переводчица поняла и передала разные оттенки модальности убеждения, характерной для проповеди как центрального жанра религиозного дискурса. Это текст оперативного, воздействующего

щего типа. И не просто призыв – призыв к добру, во благо, к вере, содержащий этические требования. Поскольку это жанр устной речи (хотя есть и письменные проповеди), то для него характерна диалогичность, определенная интонация, эмоциональность, особый патетически-возвышенный стиль. Каждый рассказ содержит зачин, вступление, само повествование с авторскими комментариями и вывод-поучение. Не случайно книга начинается с того, как автор сам пришел к Богу. Экспрессия, разговорность доминирует в тексте оригинала над нейтральностью стиля речи, и это очень четко отражено в переводе, например:

– Еще год назад все мы были убеждены, что в монастырь в наше время идут либо фанатики, либо безнадежно несостоявшиеся в жизни люди.

Да! – и еще жертвы неразделенной любви (1, 5).

Noch ein Jahr zuvor waren wir alle davon überzeugt gewesen, dass in unserer Zeit entweder Fanatiker ins Kloster eintreten oder Menschen, die im Leben absolut nicht zurechtkommen. Ach ja! Und außerdem noch Opfer unglücklicher Liebe (2, 9).

Внутренний монолог во многих местах является как бы мостиком между автором и читателем:

– И кому нужны эти ранние подъемы? Богу? Нет, конечно! Нам? Тоже нет. Мучают сами себя!.. (1, 29)

Und für wen war diese frühe Aufsteherei denn gut? Für Gott? Natürlich nicht! Für uns? Auch nicht. Das war reine Selbstquälerei! (2, 26)

Многие кажущиеся банальными рассуждения автора имеют проповеднический характер. В них обязательно есть риторические вопросы, которые заставляют задуматься:

Кто знает, чему мы были сейчас свидетелями? Или тому, как отец Иоанн из иного мира через Владыку вразумил «одного из чад своих неразумных», как он однажды назвал меня в одном из писем. Или, быть может, мы встретили сейчас еще одного сокровенного подвижника и раба Божия, которыми не оскудеет Христова Православная Церковь до скончания века (1, 73).

Wer weiß, wessen wir gerade Zeugen geworden waren? Entweder davon, wie Vater Ioann aus der anderen Welt durch den Metropoliten „eines seiner unvernünftigen Kinder“ – so hatte er mich einmal in einem seiner Briefe genannt – zur Vernunft gebracht hat. Oder wir waren vielleicht gerade einem weiteren echten Asketen und Knecht Gottes begegnet, an denen es der Orthodoxen Kirche Christi bis ans Ende der Zeit nicht mangeln wird (2, 63).

Прагматика прямой речи доминирует над прагматикой косвенной речи:

Люди относились к отцу Рафаилу по-разному. Встречались те, кто его просто терпеть не мог. Другие – а таких было гораздо больше – утверждали,

что отец Рафаил изменил всю их жизнь. К примеру, один из трех молодых монахов, убитых на Пасху 1993 года в Оптиной пустыни, иеромонах Василий (Росляков), говорил: «Я отцу Рафаилу обязан монашеством, я ему обязан священством, да я ему всем обязан!» (1, 599).

Die Menschen verhielten sich Vater Rafail gegenüber unterschiedlich. Es gab welche, die ihn einfach nicht ausstehen konnten. Andere wiederum – und von diesen gab es bedeutend mehr – behaupteten, Vater Rafail hätte ihr ganzes Leben verändert. Beispielsweise sagte der Priestermonch Wassilij (Rosljakow), einer der drei jungen Mönche, die am Osterfest des Jahres 1993 im Kloster Optina Pustyn ermordet wurden: „Ich verdanke Vater Rafail mein Mönchtum, ich verdanke ihm mein Priestertum, ja, ich verdanke ihm alles!“ (2, 525).

Разговорные частицы, которых много в русском тексте, переводятся с тщательным подбором соответствующих немецких частиц. Но в некоторых случаях переводчица отступает от требований филологичности перевода. Например, автор книги намеренно использует повторы как метод интенсификации действия, а слово «но» вообще является любимым у отца Тихона:

Но случались «откровения»... / Но чем дальше мы увлекались... / Но все же мы еще не осознавали... / Но что с вами происходит?... (5, 14–15).

А. Репка находит несколько вариантов решения этой проблемы, используя синонимию таких частиц, как «*doch, gleichwohl, denn*»:

Doch es gab noch überraschendere „Enthüllungen“... / Doch je mehr wir uns von diesen spannenden Experimenten hinreißen ließen... / Gleichwohl war uns noch nicht bewusst, dass... / Was haben sie denn?... (9: 16–17).

Констатация фактов, имеющих глубокое нравственное значение, переводится в плюсквамперфекте, который здесь теряет временную семантику предпрошедшего, а приобретает больше модальный оттенок темпоральности «никогда/всегда»:

Otzeц Иоанн никогда не диктовал и не навязывал свою волю. Он бесконечно ценил человеческую свободу... (43).

Vater Ioann hatte nie Vorschriften gemacht oder jemandem seinen Willen aufgezwungen. Er achtete die menschliche Freiheit unendlich hoch... (39).

Модальность текста представлена в большей степени семантикой желательности и возможности, чем необходимости и долженствования. Центральные концепты религиозного дискурса: вера, истина, добро, зло, жертва – присутствуют больше не в виде самих номинаций, а передаются подтекстом – синонимами и аллюзиями. Эта ненавязчивость и привлекает всех – и верующих, и неверующих. Жизнь и дела людей,

с которыми судьба (Бог) столкнула отца Тихона, и являются тем нравочуждением, которое мы получаем: как остаться человеком, полюбить жизнь и поверить в Бога.

Перевод его книги на немецкий язык станет, несомненно, не только вкладом в мировую духовную литературу, но и глубже раскроет перед немецкоязычным читателем русский мир. Кроме того, параллельные тексты оригинала и перевода «Несвятых святых» можно с успехом использовать в студенческой аудитории. Мы учим студентов конструктивной критике как составляющей теории перевода. Но не менее полезно учить их на хороших переводах.